

ПРЕДВАРЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Заметки о языке «Маленьких женщин»

Читая статьи, рассказы и особенно большую прозу, мы порой встречаем авторский прием, который называется лирическим отступлением и представляет собою полет мысли автора в высокие сферы, чаще всего весьма удаленные от предмета обсуждения. Я же позволю себе начать с лирического вступления.

Мы рождаемся на свет и сразу, еще до того, как начинаем это осознавать, погружаемся в незнакомую нам стихию родной речи, родного языка, так же как неопытный пловец погружается в неожиданно открывшееся перед ним водное пространство. Как и он, мы поначалу беспомощно барахтаемся в этой новой для нас стихии, постепенно привыкая, обретая знание и понимание среды, объявшей нас со всех сторон, обретая, наконец, и умение владеть ею достаточно свободно, чтобы существовать в ней спокойно и удобно. И как уже упомянутый пловец не сразу замечает, что температура воды и скорость ее течения постепенно изменяются — ведь его тело уже привыкло приспособливаться к изменениям водной среды, — мы мало внимания обращаем на изменения, происходящие в привычной нам среде языковой. Нет, конечно же, мы замечаем появление в нашей речи новых слов, иногда даже возмущаемся: «Зачем было менять привычное *русское* слово „магазин“ на нелепое „универсам“?!» И — через несколько лет: «Ну вот, заменили привычный „универсам“ на какой-то там „супермаркет“!» А о замене *русского* «кафе» на «кофе-хаус»

уж и говорить нечего! Я вовсе не против заимствований — они не страшны, ненужные все равно не приживутся, а нужные станут родными, как стали русскими «магазин» и «кафе», и я вообще собираюсь говорить не об этом.

Не замечаем мы исчезновения неповседневных, необходимых слов, не замечаем и изменений в темпе и в самом характере речи. Но увидеть, как менялась наша речь, можно, читая литературу прошлых веков, вглядываясь в то, *что* и *как* сказано, удивляясь языку наших предшественников и не сердясь на них за то, что они говорят не совсем так, как мы.

Роман «Маленькие женщины» американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, который она называла семейной драмой, вышел в середине XIX века, в 1868 году, вскоре после окончания Гражданской войны между северными и южными штатами США. Книга создавалась «для детей и юношества», то есть для детей тринадцати лет и старше, и — несомненно — для их родителей, поскольку это книга о воспитании Человека. Язык книги несложен, хотя довольно значительно отличается от современного. И не только непривычными для нашего слуха словами, но и самим характером и строем речи. Вполне возможно, что без этого предварения (как сказали бы тогда!) читатель не заметил бы никаких особенностей, но обратите внимание: речь была более пространной, неспешной, предложения могли занимать 12–15 печатных строк, а порой и более, и в этих предложениях не исчезали такие союзы, как «что» (например, «Мне кажется, [что] она ни слова не поняла!»). В те времена люди не избегали использования обособлений в своих высказываниях — то есть вставных слов и выражений, делавших речь более раздумчивой или более вежливой и приятной собеседнику; некоторые теперь привычные нам выражения звучали мягче, — например,

пожилую женщину, никогда не бывшую замужем, называли не старой девой, а старой девушкой; не принято было восклицать удивленно-возмущенно «Да вы/ты что?!», а если подобным образом и восклицали, то более вежливо: «Да что вы/ты?» На месте нынешнего винительного падежа гораздо чаще употреблялся родительный, например: «Чего же еще ждать от такого проказника?»; «Ему никогда не приходилось слышать подобной музыки»; «Чего желаете?» и т. п. Значительно чаще, чем сегодня, употребляли, даже предпочитали полные формы личных местоимений в косвенных падежах: «со мною», «перед нею». И сослагательное наклонение в вопросах, предположениях и просьбах: «Мне казалось бы, что у вас хватает и вкуса, и таланта...» Да много еще всего. Ну и конечно же, слова.

Не злоупотребляя стилизацией, я тем не менее использовала в переводе — чтобы сохранить аромат XIX века — некоторые широко употреблявшиеся в то время и в тех общественных кругах слова и выражения, например «скандализовать», «скандалёзный» (не «скандальный!»). Синоним «возмущать» не передает полного смысла этого глагола, а прилагательного теперь вообще не существует в русском языке. Оно исчезло, как исчез тот общественный круг, где оно употреблялось. Значение глагола «скандализовать» — возмутить поведением, видом, поступком, не приличествующим данному обществу и могущим вызвать сплетни, то есть «скандал», отсюда и «скандалёзное» поведение, событие и т. п. Примерно то же можно сказать о почти исчезнувшем глаголе «skonфyзитьcя». Правда, он не столь социально обусловлен, как упомянутый выше, но значение его также не вполне передается синонимом «смутиться», поскольку смущаемся мы по многим причинам, а конфужимся — понимая, что сделали что-то не так, как следовало бы. Встретится в романе и необыкновенное теперь словечко «удоволен» (в псалме XVII века), и просторечное

«удрать (хитрую) штуку», «бивуак» (не «бивак»!), не говоря уже о все еще употребимых, но явно «старинных» словах, вроде «весьма» или «ибо», тогда употреблявшихся гораздо чаще, чем теперь, и еще не казавшихся старинными. И естественно, в те времена местоимение «Вы» вместо «ты» использовалось не только в обращении детей к родителям, но и в отношениях между супругами и между юными леди и юными джентльменами (от 13 лет)!

Есть и еще особенность: текст романа изобилует неправильностями — стилистическими, орфографическими, пунктуационными. Неправильно говорит и пишет неграмотная служанка, путает и соединяет части разных «умных» слов одна из девочек, не овладевшая к тому же правилами письма и пунктуации. Есть несколько жаргонизмов того времени, например «настоящинский», «девахи». Замечу попутно, что грубо жаргонным считалось тогда слово «зубрить», утратившее теперь свой не совсем приемлемый в «приличном» обществе характер. Есть в романе и «домашние», то есть придуманные героинями и используемые в домашнем обиходе, слова — «влюбленничанье, влюбленничать», «поведаться» — вместо «исповедаться» и др.

Мне представляется, что эти особенности не только не затрудняют чтение книги, но делают ее еще более интересной, позволяя услышать речь людей из разных слоев тогдашнего общества и воочию увидеть то, о чем в ней повествуется как бы изнутри, из «раньшего времени». Интересна она и самим сюжетом — историей возрастания четырех сестер, «веселой шайки славных девах», и тем, как рельефно через эту историю проглядывают время, повседневный быт и самая жизнь нестоличной Америки второй половины XIX века.

Скажу еще несколько слов, теперь уже об авторе, о Луизе Мэй Олкотт. Собственно говоря, она сама рассказывает о себе в своем романе, поскольку он авто-

биографичен, и «семейная драма» описывает жизнь и атмосферу той семьи, где родилась в 1832 году и росла вместе с сестрами вторая из четырех дочерей, получившая имя Луиза Мэй. Однако не все в романе полностью совпадает с реальностью. Реальный отец четырех сестер не был священником: Эймс Бронсон Олкотт был довольно известным в свое время писателем, членом клуба трансценденталистов, который создали и возглавили такие крупные американские писатели, как Генри Дэвид Торо и Ральф Уолдо Эмерсон¹. Мать Луизы тоже не просто работала в Обществе помощи воинам во время Гражданской войны: вполне разделяя политические взгляды мужа, Эбби Мэй Олкотт была активной суфражисткой и аболиционисткой, то есть выступала за избирательное право для женщин и за освобождение негров-рабов.

---

¹ Трансцендентализм — философско-литературное течение, сформированное в XIX в. в США представителями радикальной интеллигенции бостонского «Трансцендентального клуба». Манифестом-эссе движения стал текст Ральфа Уолдо Эмерсона «Природа» (1836). Кроме Эмерсона (1803–1882), к трансцендентализму относятся Г. Д. Торо (1817–1862), Э. Б. Олкотт (1799–1888), Н. Готорн (1804–1864) и др.

Трансценденталисты объединились вокруг журнала «The Dial», просуществовавшего четыре года (1840–1844). По политическим воззрениям они были аболиционистами и индивидуалистами, разделяя культ фронта, т. е. политики освоения западных территорий, что сочеталось с американским патриотизмом и американской мечтой или — в случае разочарования — оборачивалось идеями эскапизма, ухода от реальности. В философии существенное влияние на трансценденталистов оказали идеи Канта и других представителей немецкого идеализма. Христианская религия превращалась у трансценденталистов в свод нравственных идеалов, не требующих для своего осуществления института церкви. Человек рассматривался как полноправный представитель гармоничного и динамичного космического начала, а Природа наделялась неисчерпаемой духовной силой. В приближении к не испорченной цивилизацией природе, в ее интуитивном переживании и разгадывании ее символических смыслов они видели пути нравственного очищения и постижения, по выражению Эмерсона, сверхдуши.

ПРЕДВАРЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Луиза Мэй училась дома под руководством отца, и его влияние на девочку было столь же велико, как велика была их дружба. Писать и даже публиковать свои работы она начала рано — в романе об этом рассказывается весьма подробно, — но широкую известность в самой Америке и во всей Европе, включая Россию, принесла ей именно книга «Маленькие женщины» и ее продолжение «Юные жены».

Помимо писательской деятельности, Луиза Мэй Олкотт, как и ее мать, была активной суфражисткой и даже оказалась первой женщиной, зарегистрировавшейся для участия в выборах в городские органы управления в Конкорде (штат Массачусетс).

Умерла Л. М. Олкотт от менингита в марте 1888 года, прожив всего 55 лет. Умерла она в том же году и в том же месяце, что и ее отец, лишь тремя днями позже.

В заключение хочу добавить, что до сих пор, начиная с первой публикации перевода романа в России в конце XIX века (1898), книга переводилась на русский язык в основном как детская, в несколько упрощенном виде. А ведь она, как уже упоминалось, предназначалась не только подросткам, но и взрослым. Я стремилась избежать упрощений и надеюсь, что мне удалось это сделать.

И. Бессмертная

МАЛЕНЬКИЕ
ЖЕНЩИНЫ

*Открой же, книжечка, ворвавшись вдруг
В отмеченный веселием досуг,
Все то, что затаила ты в груди,
Благослови всех ищущих в пути, —
И пусть им радость выпадет одна,
Что нам с тобою не была дана.
Начни о Милосердье разговор —
Оно ведь в странствиях с давно забытых пор —
Пусть встретит юных барышень вдали,
Чтоб мир познали, мудрость обрели.
Направь к Создателю девчушек малых сих
Тропой, что помнит легкий шаг святых¹.*

---

¹ Перевод И. Куберского.

Глава первая

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Ну, без подарков и Рождество — не Рождество, — проворчала Джо, растянувшись на ковре перед камином.

— Это так ужасно — быть бедными, — вздохнула Мег, опустив взгляд на подол своего старенького платья.

— А мне кажется, это несправедливо, когда у некоторых девочек так много всяких красивых вещей, а у других совсем ничего, — произнесла маленькая Эми, обиженно шмыгнув носом.

— Зато у нас есть папа и мама, а еще у нас есть... все мы друг у друга, — откликнулась из своего уголка Бет с очень довольным видом.

При этих словах четыре юных лица, озаренные яркими бликами пылавшего в камине огня, просветлели, но тотчас снова омрачились, когда Джо грустно возразила:

— Но ведь сейчас папы с нами нет и долго еще не будет! — Джо не добавила «может быть, никогда», но, как и каждая из сестер, про себя подумала об этом, ведь их отец был теперь очень далеко — там, где шли бои¹.

---

¹ Действие романа происходит во время Гражданской войны в США между северными и южными штатами (1861–1865). — *Здесь и далее примеч. перев.*

С минуту девочки молчали. Потом Мег сказала уже иным тоном:

— А вы знаете, почему мама предложила нам в это Рождество обойтись без подарков? Дело в том, что эта зима будет для всех очень тяжелой, и мама полагает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, когда нашим мужчинам в воюющей армии приходится так страдать. Много мы сделать не можем, но можем принести свои маленькие жертвы, и сделать это надо с радостью. Только я боюсь, что с радостью... у меня не получится. — И Мег покачала головой, с грустью вспомнив о тех чудесных вещах, какие ей так хотелось иметь.

— А вот мне не кажется, что то небольшое, что мы могли бы потратить, пойдет кому-нибудь на пользу. У каждой из нас — всего-то по доллару, и армия не много выиграет, если мы ими пожертвуем. Я согласна вовсе не ожидать подарков ни от мамы, ни от вас, но мне так хочется купить себе книжку «Ундина и Синтрам»¹ — я так давно о ней мечтаю! — сказала Джо, которая была настоящим книголюбом.

— А я собиралась на мой доллар купить себе новые ноты, — сказала Бет, тихонько вздохнув, так, что никто ее вдоха не услышал, кроме метелки для каминной плиты и подставки для чайника.

— А мне хочется купить хорошую коробку фабрических карандашей для рисования, — решительно заявила Эми. — Они мне на самом деле очень нужны.

— Мама совсем ничего не говорила про наши карманные деньги. Она и не захочет, чтобы мы

---

¹ «Ундина и Синтрам» (авторское название «Ундина», 1811) — роман немецкого писателя и поэта Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843).

отдали их все. Пусть каждая из нас купит то, что ей нужно, и у нас у всех будет порадостнее на душе. Ведь мы работаем не покладая рук, разве мы этого не заслуживаем? — воскликнула Джо, мужественно — как истый джентльмен — разглядывая набойки на своих башмаках.

— Еще бы мы не заслуживали! Я, например, чуть ли не целый день занимаюсь с моими нудными учениками, когда мне так хочется просто с удовольствием побыть дома! — начала Мег, снова обретя жалобный тон.

— Да тебе и вполонину не так тяжело, как мне, — перебила ее Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с нервической, привередливой старой дамой, которая держит тебя на побегушках, вечно всем недовольна и доводит тебя до того, что ты готова выскочить в окно или разреваться?

— Нехорошо жаловаться, но мне, по правде говоря, кажется, что мыть посуду, бороться с пылью, убирать и приводить в порядок дом — самая худшая из всех работ на свете. Она превращает меня в злюку и делает мои пальцы такими негибкими, что я не могу как следует играть даже простые упражнения. — И Бет взглянула на свои огрубевшие руки с таким глубоким вздохом, что на этот раз его услышали все.

— А я ни за что не поверю, что кому-нибудь из вас приходится страдать больше меня! — воскликнула Эми. — Вам же не надо ходить в школу, где наглые девчонки вечно тебе досаждают, если вдруг урока не выучишь, смеются над твоими платьями и *клеют* на твоего папу за то, что он бедный. А еще — оскорбляют, если у тебя нос не такой уж красивый.

— Если ты хотела сказать «клеветуют» на папу, то так бы и говорила. При чем тут «клеят»? Папа ведь не банка с пикулями, чтобы на него наклейки делать! — смеясь, поправила сестру Джо.

— Я сама знаю, что хотела сказать, и незачем тебе делать мне такие *статистические* замечания. Это вполне прилично — использовать в разговоре хорошие слова, и нам надо улучшать свой *вокибиляр*, — с достоинством парировала Эми.

— Не надо клеветать друг друга, девочки. Разве вам не хотелось бы, чтобы у нас были теперь те деньги, что пропали у папы, когда мы были совсем маленькими? А, Джо? Боже мой! Как счастливы мы были бы, как радовались, если бы у нас теперь не было ни забот, ни хлопот! — произнесла Мег, которая помнила их лучшие времена.

— А ты на днях говорила, что мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, потому что они вечно дерутся и задирают друг друга, хотя их семья очень богата.

— Да, Бет, я это говорила. Ну что же, я и правда так думаю. Потому что, хоть нам и приходится работать, мы сами над собой подсмеиваемся, и вообще, мы — очень «веселая шайка славных девах», как выразилась бы Джо.

— Да уж, Джо любит жаргонные словечки, — заметила Эми, бросив неодобрительный взгляд на долговязую фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тотчас села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

— Не надо так делать, Джо! Это просто мальчишество!

— Потому-то я так и делаю!

— Терпеть не могу грубых девиц, не умеющих вести себя, как подобает юной леди.

— А я не терплю аффектированных крошек с манерами «фу-ты ну-ты»!

— «Птички в тесном гнездышке не топорчат перышки, мирно живу-ут», — пропела миротворица Бет, скорчив такую смешную рожицу, что сердитые голоса спорщиц смолкли, сменившись смехом, и на этот раз сестры перестали «клевать» друг друга.

— И правда, девочки, — проговорила Мег, приняв строгий тон старшей сестры и явно решив прочитать им нотацию, — вы обе не правы. Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отбросить свои мальчишеские выходки и вести себя как подобает. Все это не имело большого значения, когда ты была маленькой, но теперь, когда ты стала такой высокой и делаешь прическу, подбирая волосы повыше, тебе следует помнить, что ты уже юная леди.

— А вот и нет! Если новая прическа делает меня «юной леди», я буду носить две косы до двадцати лет! — вскричала Джо, срывая с головы сетку и распуская по плечам пышную гриву каштановых волос. — Мне противна сама мысль, что я взрослею, что должна превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной и прилизанной, как китайская астра в саду! Девчонкой быть само по себе ужасно, когда тебе нравятся мальчишьи игры, занятия, их манера вести себя. Какое разочарование, что я не мальчишка! А теперь мне и того хуже — ведь мне до смерти хочется быть там, где папа, сражаться вместе с ним! Но все, на что я способна, — это сидеть в четырех стенах и вязать носки, словно малахольная старая старуха.

И Джо потрясла недовязанным синим армейским носком так, что спицы заклацали друг о друга, словно кастаньеты, а клубок ниток покатился на другой конец комнаты.

— Бедняжка Джо! Это и в самом деле ужасно, но ведь тут ничем не поможешь. Так что тебе надо попытаться быть довольной хотя бы тем, что ты сделала себе мальчишье имя и взяла на себя роль нашего брата, — сказала Бет, поглаживая растрепанную голову сестры рукой, которую никакое мытье посуды и никакая борьба с пылью не могли лишить способности нежно успокаивать одним прикосновением.

— Что же до тебя, Эми, — продолжала Мег, — ты слишком чопорна и придирчива. Твое высокомерие кажется забавным сейчас, пока ты мала, но ты можешь превратиться в напыщенную маленькую гусыню, если не поостережешься. Мне нравится твоя воспитанность и изысканная манера выражаться, но только не тогда, когда ты пытаешься выглядеть особенно элегантно. Ведь твои нелепые слова так же неуместны, как жаргонные словечки Джо.

— Если Джо — просто сорванец, а Эми — гусыня, кто же тогда я, по-твоему? Скажи, пожалуйста! — попросила Бет, готовая принять свою порцию выговора.

— А ты — просто прелесть, и больше ничего! — с горячностью откликнулась Мег, и ни у кого не возникло возражений — Мышка была любимицей всей семьи.

Всем юным читателям нравится представлять себе, «как люди выглядят», так что воспользуемся моментом затишья и опишем, хотя бы вкратце, четырех сестер, сидящих в ранних сумерках за вязальным, ни на миг его не прерывая, тогда как снаружи, за окном, тихо падает декабрьский снег, а внутри, в комнате, весело потрескивает огонь в камине. Комната удобная и приятная, хотя ковер уже выцвел,

а мебель очень проста; однако стены украшают две-три хорошие картины, нишу заполняют полки с книгами, а на окнах цветут хризантемы и красные рождественские розы; здесь царит приятная атмосфера домашнего покоя и уюта.

Маргарет — то есть Мег, старшей из сестер, — уже исполнилось шестнадцать. Она очень хороша — пухленькая и беленькая, большеглазая, с прекрасными светло-каштановыми волосами, с нежным ртом и очень белыми руками, которыми она даже немножко гордится. Пятнадцатилетняя Джо отличается высоким ростом и худобой. Она смугла и напоминает жеребенка: кажется, что она никогда толком не знает, куда девать свои длинные ноги и руки, которые ей вечно мешают. Линия рта у нее решительная, нос — смешной, а серые глаза смотрят пронзительно и, как представляется, видят абсолютно все, и взгляд их бывает то яростным, то веселым, а то задумчивым. Единственной красотою Джо надо назвать длинные, густые каштановые волосы, но она всегда небрежно заталкивает их в сетку, чтобы не мешали и никому не попадались на глаза. Джо сутулится, кисти рук и ступни у нее крупные, одежда на ней свободно болтается, и выглядит бедняжка неловкой, неуклюжей, как обычно выглядит девушка, слишком быстро превращающаяся во взрослую женщину и весьма этим недовольная. Элизабет, то есть Бет, как все ее называют, — розовощекая, гладко причесанная, ясноглазая девочка тринадцати лет, застенчивая, с тихим голоском и умиротворенным выражением лица, почти никогда не нарушаемым. Отец называл Бет «маленькая Мисс Спокойствие», и это имя отлично ей подходило, потому что девочка, казалось, живет в своем собственном, полном счастья мире, из которого решается выйти навстречу только тем, кому верит, тем,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

кого любит. Эми, хотя и самая младшая из сестер, считается в семье — во всяком случае, по ее собственному мнению — особой самой важной. Настоящая снегурочка — голубоглазая, с золотистыми волосами, волнами спадающими ей на плечи, бледнокожая и изящная, она всегда держит себя как юная леди, не забывающая о хороших манерах.

Каковы характеры четырех сестриц, нам еще предстоит выяснить.

Часы пробили шесть, и Бет, тщательно выметя каминную плиту, поставила на нее пару домашних туфель, чтобы они согрелись. Почему-то вид этих старых туфель подействовал на девочек самым благотворным образом: вот-вот должна была прийти мама, и лица сестер радостно просветлели в ожидании скорой встречи. Мег перестала читать нотации и зажгла лампу. Эми выкарабкалась из глубокого кресла прежде, чем ей об этом напомнили, а Джо забыла о том, как она устала, поднялась и присела к камину, чтобы подержать мамины туфли поближе к пылающему огню.

— Они совсем уже износились. Маменьке нужно купить новые домашние туфли.

— Да, я как раз подумала, не купить ли ей новую пару на мой доллар? — сказала Бет.

— Нет, я сама ей куплю! — крикнула Эми.

— Но ведь я — старшая... — начала было Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Сейчас, когда с нами нет папы, я в нашей семье мужчина, и это я обеспечу маму домашними туфлями, ведь папа велел именно мне особенно беречь маму, пока его нет.

— А я скажу вам, что мы сделаем. Пусть каждая из нас подарит маме то, что ей нужно, а мы обойдемся без ничего.

— Бет, милочка, ты — всегда ты! — воскликнула Джо. — Так что же мы купим маме?

Все на минуту погрузились в трезвые размышления. Затем Мег объявила так, будто эту мысль подсказал ей вид собственных белых ручек:

— Я подарю ей хорошенькие перчатки!

— Армейские туфли¹, самые лучшие! — выпалила Джо.

— Носовые платки, с каймой по краям, — сказала Бет.

— А я куплю ей маленький флакон одеколона. Мама любит одеколон, и он не очень дорогой, так что у меня еще и на карандаши останется, — добавила Эми.

— А как мы будем все это ей дарить? — поинтересовалась Мег.

— Положим все эти вещи на стол, введем маму в комнату и посмотрим, как она станет свертки распаковывать. Разве вы не помните, как мы это делали в наши дни рождения? — ответила Джо.

— А я всегда так трусила, когда приходил мой черед восседать в кресле с короной на голове и смотреть, как вы все входите торжественным шагом и приближаетесь, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне нравились подарки и поцелуи, но было так страшно распаковывать свертки, когда вы все сидели и смотрели, как я это делаю, — сказала Бет, готовившая к ужину подсушенные хлебцы: она подрумянивала над огнем ломтики хлеба и — вместе с ними — собственные щеки.

— Только пусть маменька думает, что мы покупаем что-то для самих себя, тогда все это будет для нее сюрпризом. Придется пойти за покупками

---

¹ Джо, очевидно, имеет в виду туфли, которые можно купить на распродаже армейских излишков.

завтра днем, Мег. Столько всего надо сделать, чтобы подготовить нашу пьесу к рождественскому вечеру, — сказала Джо, теперь шагавшая взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и задрав кверху нос.

— Это будет последнее, что я берусь играть на сцене. Я уже не маленькая — я слишком взрослая для таких игр, — заявила вдруг Мег, которая, однако, оставалась еще достаточно ребенком, чтобы участвовать в веселых играх с переодеванием.

— А я уверена, что не в последний. Ты не перестанешь играть, пока можешь шествовать на виду у всех в длинном белом платье, с рассыпавшимися по плечам волосами и в «драгоценностях» из золотой бумаги. Ты у нас — самая лучшая актриса, и если ты уйдешь со сцены, придет всему конец, — сказала Джо. — Надо сегодня вечером еще порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, повторим сцену с обмороком, а то ты в ней неподвижна, как чурбан.

— Что же я могу с этим поделать? Я ведь никогда не видела, как падают в обморок, и вовсе не жажду оказаться вся в синяках, грохаясь плашмя на пол, как это делаешь ты. Если я смогу упасть... слегка — я это сделаю, если нет — я грациозно упаду в кресло. И мне все равно, бросится на меня Хьюго с пистолетом или нет, — ответствовала Эми, не слишком высоко одаренная драматическим талантом, но избранная в актрисы потому, что была мала и злодей игровой пьесы мог легко унести ее, громко вопящую, прочь.

— Тогда сделай вот как. Сложи, как в молитве, руки и, шатаясь, иди по комнате с отчаянным криком: «Родриго, спаси! Родриго, спаси меня!» — И Джо двинулась прочь, с мелодраматическими восклицаниями, которые и правда звучали довольно волнующе.

Эми последовала ее примеру, но выставила перед собой негнущиеся руки и пошла по комнате, как-то механически подергиваясь, будто заводная кукла, а ее охи и ахи звучали так, словно в нее всаживают булавки, одну за другой, и она кричит не от мучительного страха, а от неожиданных уколов. Джо издала стон отчаяния, Мег рассмеялась, насколько не скрываясь, а у Бет подгорел ломтик хлеба, пока она с интересом наблюдала эту забавную сцену.

— Бесполезно! — произнесла Джо. — Когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше, а если кто-то из зрителей засмеется, я не виновата! Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло вполне гладко, так как дон Педро без сучка и задоринки бросил вызов окружающему миру, хотя вызов этот занял целых две страницы. Ведьма по имени Агарь прохрипела — с судьбоносным результатом — ужасающее заклинание над кипящим котлом, полным отвратительных жаб. Родриго мужественно разорвал на куски свои тяжкие цепи, а Хьюго, мучимый совестью, выпил мышьяк и умер, с безумным предсмертным «ха-ха-ха!».

— Это наша самая лучшая пьеса из всех, — заключила Мег, когда мертвый злодей принял сидячее положение и потерял ушибленные локти.

— Не могу представить, как это у тебя получается — писать и играть такие великолепные вещи, Джо, ты просто настоящий Шекспир! — воскликнула Бет, твердо уверенная, что ее сестры одарены гениальными способностями буквально во всем.

— Ну, не совсем, — скромно отозвалась Джо. — Я и сама думаю, что «Проклятие ведьмы, оперная трагедия» получилась не так уж плохо, но мне хотелось бы поставить «Макбета»; ах, если бы только

у нас был люк для появления Банко! Мне всегда хотелось сыграть главную роль в сцене с убийством. «Неужто вижу я кинжал перед собою?» — пробормотала Джо, вращая глазами и водя рукой в воздухе перед собой, как это делал знаменитый трагик, игру которого она недавно видела.

— Нет, это только вилка для подсушивания хлебцев, а на ней, вместо ломтика хлеба, мамина домашняя туфля! Бет просто зачарована театром! — воскликнула Мег, и «репетиция» закончилась общим хохотом.

— Очень рада, что вам так весело, девочки мои, — раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование. Одежда миссис Марч не была элегантной, но даже в этой видавшей виды одежде она выглядела благородной, а девочки считали, что свободное серое пальто и немодная шляпка укрывают самую великолепную женщину на свете.

— Ну, мои дорогие, как вы тут поживали сегодня? У меня было столько работы, что я не смогла прийти домой к обеду, — мы готовили посылки к завтрашней отправке в армию. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твоя простуда, Мег? Джо, у тебя ужасно усталый вид! Подойди-ка, поцелуй меня, детка.

Задавая свои вопросы, миссис Марч освобождалась от промокшей одежды. Затем, надев согретые у огня домашние туфли, она опустилась в глубокое кресло, привлекла Эми к себе на колени и была готова насладиться лучшими часами своего до предела загруженного дня. Дочери суетились вокруг, стараясь — каждая по-своему, — чтобы маме было

поудобнее. Мег устанавливала чайный стол, Джо принесла дров и расставляла вокруг стола стулья, то и дело роняя или опрокидывая что-нибудь и громяхая всем, что попадало ей в руки. Бет молча и сосредоточенно сновала то туда, то сюда, из гостиной в кухню и обратно, тогда как Эми сидела сложив ручки и раздавала указания направо и налево.

Когда все уселись вокруг стола, миссис Марч сказала с какой-то особенно светлой улыбкой:

— А у меня есть чем вас угостить. Только после ужина.

По всем лицам солнечным зайчиком пробежала радостная улыбка. Бет захлопала в ладоши, забыв, что держит в руке печенье, а Джо подбросила вверх свою салфетку, вскричав:

— Письмо! Письмо от папы! Нашему папе — троекратное «ура»!

— Да, хорошее, подробное письмо. Папа хорошо себя чувствует и думает, что более благополучно перенесет холодное время года, чем мы опасались. Он шлет нам всем полные любви пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, — сказала миссис Марч, опуская руку в карман с таким видом, точно там находилось величайшее сокровище.

— Поторопимся, девочки! Эми, хватит оттопыривать мизинчик и жеманничать над чашкой! — воскликнула Джо, поперхнувшись чаем и роняя свой хлебец — маслом вниз — на ковер, в нетерпении получить наконец обещанное «угощение».

Бет больше ничего не ела: она тихонько пробралась в свой укромный уголок, чтобы сидеть там и наслаждаться, без помех размышляя о грядущем «угощении», пока сестры готовятся слушать письмо.